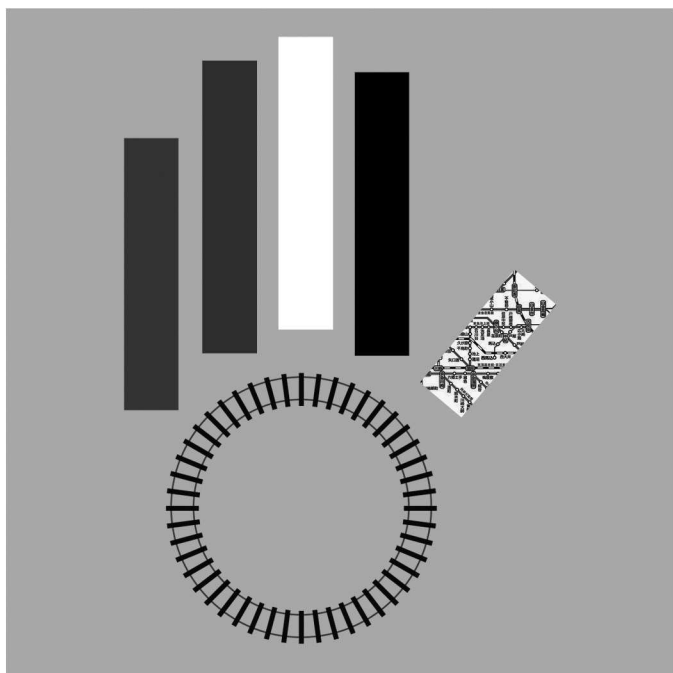

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Бесцветный Цкуру Тадзаки
и годы его странствий

ООО «Издательство «Эксмо»

Москва
2015

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

SHIKISAI O MOTANAI TAZAKI TSUKURU TO,
KARE NO JUNREI NO TOSHI
© Haruki Murakami, 2013

Художественное оформление *Н. Никоновой*

Редактор *М. Немцов*

Мураками, Харуки.

М91 Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий / Харуки Мураками ; [пер. с яп. Д. Коваленина]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Мураками-мания).

Он был юн, об окружающей жизни знал еще очень мало. Да и новый токийский мир сильно отличался от среды, в которой он вырос. Мегapolis оказался куда огромней, чем он себе представлял. Слишком большой выбор того, чем можно заняться, слишком непривычно общаются друг с другом люди, слишком быстро несется жизнь. Из-за всего этого он никак не мог настроить баланс между собой и окружающими. Но главное — в те годы ему еще было куда возвращаться. Садись на Токийском вокзале в «Синкансэн» — и через каких-то полтора часа прибываешь в «нерушимый оплот гармонии и дружбы». Туда, где время течет неспешно и всегда ждут те, перед кем еще можно распахнуть душу.

О том, что это место бесследно исчезло, он узнал на втором курсе, во время летних каникул.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Haruki Murakami, 2013
© Перевод на русский язык,
Дмитрий Коваленин, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-04-158614-0

На втором курсе вуза, начиная с июля, он постоянно думал о смерти. Тогда же ему исполнилось двадцать — он стал взрослым, хотя никакого особого смысла эта веха в его жизнь не привнесла. В те дни мысль покончить с собой казалась ему естественной и совершенно логичной. Что именно помешало ему наложить на себя руки, он толком не поймет до сих пор. Преступить черту, отделяющую жизнь от смерти, в то время было проще, чем выпить сырое яйцо на завтрак.

Возможно, покончить с собой он не пытался просто оттого, что его мысли о смерти были слишком естественны и не увязывались с какой-либо конкретной картинкой в голове. Напротив, любая конкретика представлялась ему второстепенной. Окажись перед ним дверь на тот свет, он наверняка распахнул бы ее не задумываясь. Просто совершил бы это обычно. Но, к счастью или нет, такой двери ему не попало.

Наверно, лучше бы умер в те дни, часто думал Цкуру Тадзаки. И нынешнего мира, каков он есть, просто бы не получилось. Было бы здорово. Ведь тогда не настало бы и никакого «теперь». Раз меня нет для этого мира, то и его не существует для меня.

И тем не менее Цкуру до сих пор не поймет, что именно подвело его тогда к смерти *настолько* вплотную. Пусть даже некие события и явились тому причиной, почему тяга к смерти вдруг стала такой навязчивой, что поглотила его без малого на полгода? Поглотила — да, именно так. Словно тот библейский пророк, прозябавший во чреве кита, Цкуру угодил Смерти в брюхо и невесть сколько суток провел в той живой пещере без единого лучика света.

В то странное время он жил, как сомнамбула — или как покойник, не заметивший собственной смерти. Солнце всходило — он просыпался, чистил зубы, напяливал что подвернется под руку, садился в электричку, ехал в университет, конспектировал лекции. Словно человек, уцепившийся за фонарный столб, чтобы только не унесло ураганом, он цеплялся за распорядок дня. Без особой надобности ни с кем не общался, а вернувшись в свою холостяцкую квартирку, садился на пол, прислонялся спиной к стене — и размышлял о минусах жизни и плюсах смерти. Бездонная мгла распаивала перед ним свой зев, и он проваливался в нее до самого центра Земли. Туда, где Великое Му¹ закручивает мир в гигантское облако и глубинная тишина сдавливает барабанные перепонки.

Кроме смерти, он не думал вообще ни о чем. Это не так уж и сложно. Просто не читал газет, не слушал музыки и даже о сексе не вспоминал. Не видел ни в чем вокруг

¹ Му (*кит., яп.*) — буддистская категория полного отрицания. Состояние Му — сознание, очищенное от идей внешнего мира. Чревато просветлением (*сатори*) и переходом в Нирвану. В практиках дзен-буддийских монахов часто трактуется как «забери свой вопрос назад». — *Здесь и далее прим. переводчика.*

ни малейшего смысла. Устав от дома, выходил на улицу и бродил по окрестностям. Или садился на скамейку железнодорожной платформы и часами наблюдал, как отправляются поезда.

Каждое утро принимал душ, тщательно мыл волосы, дважды в неделю устраивал стирку. Чистота помогала ему держаться. Душ, стирка и чистка зубов. Питался он как попало. Обедал в университетской столовой — и больше нормальной еды почти не ел. Когда пустел желудок, покупал в супермаркете яблок, овощей и сгрызал их дома не задумываясь. Или жевал хлеб, запивая молоком из пакета. Перед сном наливал в стакан немного виски и принимал как снотворное. Пьянел он, к счастью, быстро и даже от маленькой порции тут же засыпал. Снов он тогда не видел. Те же сны, что изредка врываются к нему неведомо откуда, проносились вихрем в голове и ухали в пустоту, не удерживаясь на обрывистых склонах сознания.

Цкуру Тадзаки хорошо помнит, когда мысли о смерти начали притягивать его так сильно. Это случилось, когда четверо ближайших друзей заявили ему: «Больше ни видеть, ни слышать тебя не желаем». Пригвоздив его тем самым к жесткому факту. И ни словом не объяснив, что же заставило их такое сказать. Сам он спрашивать не стал.

Все они крепко дружили в старших классах, но потом Цкуру уехал из родного города учиться в столичном вузе. Так что *теоретически* исключение из дружной компании не принесло в его жизнь особенных неудобств. Встреть кого-то на улице, даже не смутился бы. Но это, увы, теоретически. На деле же после того,

как он уехал от лучших друзей так далеко, боль его стала еще острее. Отчужденность и одиночество сплелись в телефонный кабель сотни километров длиной. И по этому кабелю, намотанному на огромную лебедку, днем и ночью к нему поступали неразборчивые сообщения. Звучали они то громче, то тише, иногда завывали, как буря в лесу, а иногда пропадали совсем.

Все пятеро попали в один класс старшей школы в пригороде Нагои. Три парня, две девчонки. Первым же летом¹ перезнакомились на волонтерской работе, и даже когда на следующий год их развели по разным классам, остались так же дружны. Волонтерство считалось их летней практикой, но работа закончилась, а они и дальше собирались вместе то и дело и помогали людям, не требуя вознаграждения.

По выходным они выезжали куда-нибудь на природу, играли в теннис, ездили купаться на полуостров Тита, а то заваливались к кому-нибудь домой и вместе готовились к экзаменам. Но чаще просто встречались где придется и болтали о жизни. Никаких тем заранее никто не выбирал, но разговор не иссякал никогда.

Сдружились они случайно. Дел для волонтеров хватало, в том числе — занятий после уроков с малышами в продленке. В школе при католической церкви их класс состоял из тридцати пяти человек, но такое занятие выбрали только они пятером. За три

¹ Школьная система в Японии состоит из начальной, средней и старшей школ (6 лет, 3 и 3 года соответственно). Начальная и средняя школа — обязательные. Старшую школу, хотя она обязательной и не является, оканчивают около 94% японских школьников. Учебный год начинается в апреле.

первых дня в летнем лагере они здорово подружились с детьми.

Там же, в лагере, когда позволяло время, все пятеро очень тесно общались — рассказывали о себе, учились слушать и понимать друг друга. Делились мечтами и тревогами. И уже к концу лета каждый понимал: «Сейчас я — в правильном месте и в правильной компании». Очень гармоничное чувство, когда тебе нужны остальные четверо, а остальным четверым нужен ты. Нечто вроде редкого и крайне удачного сплава химических элементов. Сколько потом ни бейся, пытаешься воссоздать, больше такого результата не получишь.

И даже когда лето закончилось, пару раз в месяц, ближе к концу недели, они так и ходили в школу к своим первоклашкам — готовили с ними уроки, занимались спортом, играли, читали вслух. А еще стригли школьные газоны, красили стены, обустроивали игровую площадку. Так и прожили следующие два года.

Возможно, в самой этой раскладке — трое ребят и две девчонки — изначально крылось какое-то напряжение. Скажем, начни любые двое парней приударять за девчонками, третий всегда окажется лишним. Сама мысль о такой возможности то и дело зависала мрачной грозовой тучей у каждого в голове. Но на самом деле ничего подобного не случилось, да и случиться вряд ли могло.

Все пятеро жили в пригородах, в семьях зажиточно-среднего класса¹. Их отцы — из поколения беби-бума — служили экспертами в солидных компаниях и

¹ Начиная с 1990-х гг. так называемый средний класс составляет около 80% японского общества.

на образование своих чад не скупились. Все пять семей благополучны были хотя бы внешне, никто не в разводе, матери — домохозяйки. В старшие классы без экзаменов не перейти, так что успеваемость у каждого из пятерки была неплохая. В общем, все выросли примерно в одной среде и похожи друг на друга оказались больше, чем отличались.

А кроме того, всех, кроме Цкуру Тадзаки, объединяло еще одно случайное сходство. У каждого из его друзей фамилия происходила от какого-нибудь цвета. Парней звали Акама́цу и Оу́ми, девчонок — Сиранэ́ и Куро́но. И только фамилия Тадзаки никакого отношения к цвету не имела¹. Из-за этого он всегда ощущал себя не таким, как все. Разумеется, характер человека не зависит от того, есть ли в его имени какой-нибудь цвет. Это понятно. Но Цкуру собственная «бесцветность» огорчала и даже злила. Остальные же четверо, не сговариваясь, стали называть друг друга просто по цветам — Красный и Синий, Белая и Черная. И только его по-прежнему звали Тадзаки. Эх, то и дело сокрушался он про себя, почему я тоже не родился с «цветной» фамилией? Как было бы здорово...

Красный был талантом в учебе. И хотя никто не видел, чтобы он когда-либо усердно занимался, по всем предметам он учился лучше всех в классе. Однако носа не задира́л; напротив, всегда делал шаг назад и следил, чтобы не опережать остальных. Словно стеснялся то-

¹ Буквальные значения иероглифов: Ака-ма́цу — «красная сосна», О-у́ми (или Ао-у́ми) — «синее море», Сира-нэ́ — «белый корень», Куро́-но — «черная пустошь» (яп.). Фамилию Та-дза́ки можно перевести как «скопление утесов» (яп.). Имя Ц(у)ку́ру — фонетический омоним глагола «делать, создавать, производить».